
ВОСТОК И ЗАПАД В СВЕТЕ ГЕНЕЗИСА ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Н. С. ЩЁКИН
(Минск)

В эллинистическую эпоху сознание человека яснее и полнее репрезентировало напряженность и противоречивость социального бытия, более остро осознавало крушение прежних идейных постулатов. Идея личности, родившаяся в греческом полисе, нуждалась в практической реализации. Однако под давлением имперской системы идея личности могла развиваться в абстрактном плане, умозрительно. Не найдя выхода к живому человеку, эта идея не смогла перейти в социальную плоскость. Единственной «альтернативой» у нее оставался уход в плоскость отвлеченных переживаний. Идея личности ушла в сферу имманентной рефлексии, регламентирующейся духом, в котором постепенно обретала свои формы.

Политическая реальность не предоставила возможности огромному числу людей обрести альтернативу существующему порядку вещей. В свою очередь, такое положение породило надежду людей о спасении в потустороннем мире. Таким образом, медленно и неотвратно вставал уже и принимал зримые очертания совсем новый мир¹.

Многообразие социокультурных и религиозных форм Римской империи неоднозначно было воспринято некоторыми провинциями. С особым противодействием культурной экспансии эллинизма пришлось столкнуться в Иудее.

Причины неприятия эллинизма иудейской культурой, отсутствие желания вести диалог необходимо искать в культурно-исторических традициях Иудеи.

Народ Израиля, состоявший из 12 племен (колен), поселившийся в гористой местности между Средиземным морем и рекой Иордан, рано обнаружил стремление к автономности от других народов. Сравнительно рано выработав монотеистическую парадигму (Ис. 44: 9-20, Иср. 10: 3-5, Исх. 20: 3,4, Цар. 18-27, 17:35, Исх. 34:14, 12), евреи поняли свою религиозную особенность как форму исключительного положения израильского народа в окружающем мире².

Религиозная идея представила Израиль как священный организм, увенчанный верховным жрецом. Теократическая система управления

¹ См.: **Р. Тарнас**, История западного мышления (пер. с англ. Т. А. Азаркович). М., 1995, с. 78.

² См.: **Э. Шюре**, Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий (пер. с франц. Е. Писаревой), М., 1990, с. 344-351.

иудеев репрезентировалась ритуальными законами и культом, являющимися особым началом и смыслом существования иудейского народа. Оставаясь относительно независимой при персах и египетских Птолемеях, Иудея резко противопоставила себя эллинизму, хотя христианство мыслило себя в рамках иудаизма³.

Оскорбление религиозных чувств ортодоксальной части иудеев прокуратором и префектом Понтием Пилатом, первосвященником Язонам и другими префектами вызвало бурю негодования в Иудее. Более того, произошло социальное расслоение по религиозно-богословскому признаку. Наличие фарисеев, саддукеев, ессеев и крайне радикальных движений zelотов и сикариев (кинжальщиков)⁴ выводит Иудею не только в новую фазу противоборства, но и на качественно новый уровень религиозной рефлексии.

Свежие воспоминания о разрушении Навуходоносором II первого еврейского государственного образования, перманентное отсутствие возможности систематически созидать собственную государственность и проводить идею культурно-национального единства создавали в среде евреев психологическую установку на поиск ответов и решений за пределами настоящего. Мысль о лишении возможности устроить реальную жизнь выступала в форме надежды на будущее.

В таких условиях сотерологической нитью на первоначальном этапе кризиса Римской империи, не вступавшей в противоречие с монотеизмом, выступил профетизм (пристрастие к пророчеству). Именно в контексте широкомасштабного профетизма начал усматриваться единый божественный план. Мысль выстраивала общую мировую схему, в которой все элементы были регламентированы волею Бога.

С более широким ее распространением усиливалась борьба с языческим влиянием. Однако основная часть евреев, хотя и приняла учение о «Едином», мыслило его грубо антропоморфно⁵, следуя языческим традициям.

Бог представлял собой самой совершенной и возвышенной субстанцией, и любить его стало непереносимым требованием. Люби Господа, Бога твоего (Втор. 11:1), и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всею душою твоею и всеми силами твоими (Втор. 6:5). Именно в этом западном векторном направлении и пошло христианство. Более того, профетизм наделил человека индивидуальным правом, основанным на признании ценности любого человека.

Профетическая идеология не только выдвинула ряд принципиальных идейных комплексов, которые стимулировали гуманистическую

³ См.: **И. С. Свенцицкая**, Раннее христианство: страницы истории. М., 1987, с. 91-92.

⁴ См.: **Г. М. Лившиц**, Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Минск, 1967, с. 12-17.

⁵ См.: **В. П. Оргиш**, Истоки христианства: культурно-исторический генезис. Минск, 1991, с. 88.

направленность культурного процесса⁶, например, как признание равенства всех людей, но и создала религиозно-нравственную мотивацию рудиментарной мессианской идеи. Представления о мессии варьировались и оставались неоднородными. Они наполнялись разным содержанием. Если иудейская аристократия с мессией связывала создание сильного государства, во главе которого они видели себя, то народные массы связывали свои надежды с мессией в смысле установления справедливых социальных порядков. Начиная со II в. до н.э. образ мессии все более приобретал, по мнению Г. М. Лившица, черты посланца неба, спасителя всех народов, а не одного лишь еврейского⁷. Следовательно, именно Израиль явил миру Мессию. Из вышесказанного явствует, что христианство, еще скрытое, подводит мины под то общество, которое позже оно и должно построить.

В связи с мессианскими настроениями в иудаизме необходимо также отметить, что такие настроения были присущи большинству культов многих религий⁸. Учения Кумранской общины, иудео-христианских сект, например, гностицизма и мантанизма (в поддержку последнего выступил даже Тертуллиан, крупнейший христианский апологет), впервые сформулировали легендарный образ «праведного Учителя», идея которого впоследствии нашла свое отражение в христианстве. Таким образом, анализ иудейской истории явно указывает на ее значительную роль в возникновении и развитии феномена христианской религии и нового мирового, христианского порядка⁹.

Положение Римской империи вызвало на всей территории Ближнего Востока апокалиптические настроения. Апокалипсис явился не чем иным, как идеологическим эквивалентом мистической литературы греко-римского мира в религиях мистерий, смерти и воскресения полубожественных спасителей (Диониса, Орфея, Деметры, Осириса, Митры, Адониса, Аттиса)¹⁰. Через эту религиозную матрицу преломлялись человеческие представления об экономическом, политическом и культурном господстве.

Страницы апокалиптической литературы были навеяны духом яростной ненависти к римлянам. Рим ассоциировался с историческим врагом евреев – Вавилонией. Однако спасение, о котором много говорится, пока еще не вышло за национальные рамки. Идеальный град – это «небесный Иерусалим». Но уже в Дидахе, книге притч

⁶ Там же, с. 92.

⁷ Г. М. Лившиц, указ. соч., с. 36.

⁸ См.: Н. С. Щёкин, Генезис христианской литургии: историософский анализ. «Проблемы управления», 2007. № 2 (23), с. 186-196, Н. С. Щёкин, Христианская цивилизация и апокрифические традиции в свете формирования христианских таинств, «Проблемы управления», 2007, № 4 (25), с. 130–142.

⁹ См.: С. W. D. Kelly, Early christian Doctrines, London, 1968, p. 17.

¹⁰ См.: E. Carpenter, Pagan and Christian creeds: their origin and meaning. London, 1928, p. 162.

Еноха, Апокалипсис Ездры, Исаяи, Баруха, книге пророка Даниила¹¹ содержатся зачатки христологии, которая в свое время сыграла значительную роль как связующее звено между троичностью природы Бога и культурным осмыслением в постоянно изменяющейся социально-исторической практике христианской западной цивилизации. Именно иудейская апокалиптика и явилась плодородной почвой для возникновения христианства¹².

Среди первых христиан были сильны эсхатологические настроения, пронизанные ненавистью к порядкам Римской империи, царила надежда на создание на Земле сверхъестественной силой (но с участием верующих в борьбе с силами зла) иного общества. Правда, этот социальный идеал первых христиан в новозаветной литературе изображен крайне смутно. Хотя встречаются даже намеки на материальное благополучие «в веке грядущем» с вполне земными критериями.

Следовательно, еще в дохристианский период появились идеи и представления, которые во многом определили парадигму новой религии¹³. Их источником была не только иудейская среда, но и греческий интернальный мир, эллинистическая интеллектуальная жизнь. В известном смысле христианское откровение было продолжением идейных процессов предыдущего периода истории. Прежде всего это выражалось в мистицизме греческой и римской жизни. Также следует отметить, что, благодаря наличию Римской империи с космополитизмом «всемирного гражданства»¹⁴, смешались многочисленные божества многих народов, явившиеся впоследствии субстратом новой единой мировой религии.

Обобщая те процессы, которые происходили в религиозной жизни Римской империи, Е. М. Штаерман приходит к важному заключению, что «с частичным разложением сельских общин и постепенным растворением гражданских общин в империи, с установлением обязательного императорского культа и углублением социального неравенства различные общественные слои в поисках ответов на стоявшие перед ними вопросы различными путями приходят к поискам единого, верховного, общего для всего человечества Бога»¹⁵.

¹¹ См.: **Т. Аннаньель**, Христианство: догмы и ереси (пер. с франц. Ел. Бавеской и Л. Цивьяна). СПб., 1997 с. 46-48, **Н. С. Щёкин**, Христианская цивилизация и апокрифические традиции в свете формирования христианских таинств, с. 130 — 135.

¹² См.: **В. Дюрант**, Цезарь и Христос (пер. с англ. В. В. Федорина). М., 1995, с. 624.

¹³ См.: **R. G. Clouse, R. V. Pierard, E. M. Yamauchi**, Two Kingdoms. The Church through the Ages. «Moody Press», Chicago, 1993. — 672 p.

¹⁴ **Д. Ф. Штраус**. Жизнь Иисуса: Кн. 1 и 2 (пер. с нем). М., 1992, с. 162.

¹⁵ **Е. М. Штаерман**. От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1.

Однако новая религия в силу неоднородности Римской империи изначально придерживалась нескольких традиций. На востоке христианство носило неоплатонический характер, а на западе — стоический характер¹⁶. Еще эллинистический еврейский философ Филон Александрийский задумывался над иудейско-греческим синтезом, а именно над термином «Логос». Греческая мысль и христианская теология настолько сблизились, что стало вероятным наличие в Евангелии от Иоанна следующих слов: Вначале было слово (Логос) (Ин 1:1).

Наиболее существенное влияние на первоначальное христианство оказала платоновская метафизическая традиция, которая была самой популярной схемой мироотношения. Платоновская идея промысла явилась основанием для богословских рассуждений о миссии Христа, где последний выступает в качестве победителя судьбы. Таким образом, христианский Логос очеловечился в исторической фигуре Иисуса Христа, тем самым вызвав оживленный интерес во всем эллинистическом культурном мире. С этих пор новая религия дистанцировалась от иудейско-греческих корпоративных форм. Как социологический феномен историческое христианство упразднило национализм и, по мнению В. Соловьева, «стало сверхнародным»¹⁷. Причина «сверхнародного» характера христианства была заложена во внутреннем принципе христианской религии.

Социально-политическая нестабильность, принуждение и рабство, нигилизм — все эти проблемы переносились в сферу религии и этики. Христианство со своим сверхъестественным направлением стало неизбежным феноменом той исторической эпохи. Поэтому неудивительным является то, что языческая цивилизация была основана на государстве, а христианская — на религии¹⁸, которая буквально, как отмечает В.А.Федосик, пронизывала повседневную жизнь людей античного общества¹⁹.

Процесс нарастания мессианских ожиданий нуждался в новых социально-исторических формах, ибо пророческие прогнозы в ситуации усиливающейся беспросветности существования масс уже не соответствовали действительности. Такой формой выражения чаяний народных масс была церковь. Христианский мир вступает в новую фазу своего развития.

К концу II в. н.э. в христианстве утвердилась церковная организация и также постепенно разрабатывалась доктрина церкви. Кроме того, личность самого Иисуса «нуждалась в теле»²⁰. То есть необходим

¹⁶ См.: **Ф. Ф. Зелинский**, Соперники христианства. Сб. ст., СПб., 1995, с. 181.

¹⁷ См.: **В. С. Соловьев**, Великий спор и христианская политика // Спор о справедливости. Соч., М., Харьков, 1999, с. 105.

¹⁸ См.: **В. Дюрант**, Цезарь и Христос (пер. с англ. В. В. Федорина). М., 1995, с. 642-643.

¹⁹ См.: **В. А. Федосик**, Киприан и античное христианство. Минск, 1991, с. 232.

²⁰ См.: **Э. Ренан**, Жизнь Иисуса. Апостолы (пер. с фр. Е. В. Святловского), Минск, 1991, с. 208-216.

был новый символ вновь создававшейся религии. Христианство выступало не просто как продукт краха античных мировых порядков, но инвольвировало (вобрав в себя) элементы этого краха. Христианской религии была уготовлена совершенно иная роль, которая дотоле никогда еще не разыгрывалась. На обломках некогда великого государственного образования возникла новая империя – «Империя грез и надежд», империя несбыточных мечтаний.

Одновременно «христианская империя» стала последним великим творением античного языческого мира и символом другого мира, задавая парадигму иной цивилизации. Вселенная, человек, религия наполнились общей провиденциально-разумной сущностью. Языческая картина мироздания, не допускающая никакого надмирного существа, личного, не сопоставимого с безличным, в глазах христиан выглядела абсурдной.

Христианство Нагорной проповеди (пресловутая декларативность нравственного закона) и христианство Никейского символа (325 г.), насыщенные догматическими дефинициями, положило начало глубокому разделению мира и не только в географическом плане на Восток и Запад.

Духовным «поводырем» Рима стала церковь. Христианская церковь, памятуя о своей духовной миссии и о великой ответственности, нуждалась в устойчивых структурах. Такой структурой на данном историческом этапе могла быть только церковь.

Рим-гонитель обернулся Римом-поборником и постепенно слился с церковью. Границы христианства отныне совпадали с границами Римского государства.

Мощная централизованная иерархия, сложная правовая система, духовные полномочия клира – все было направлено на обращение «варваров» и приобщение их к христианской цивилизации. Жизнь христианина должна была мыслиться только в коллективном существовании, через созидание Тела Христова, которое и есть Церковь.

В известном апокрифическом тексте «Пастырь» Гермы (около 200г.) со всей набожностью проиллюстрировано единство христиан, основой которой является церковь, и общество христиан в виде храма. Церковь уподобляется башне, которая строится ангелами из камней (люди), доставаемых в водах (крещение), и все камни гладко пригнаны, плохие камни выбрасываются²¹.

Появление церкви и формирование церковной организации вызвали новые теологические диспуты. Вариативность развития общественных отношений отразилась в религиозных верованиях Иудеи, ставших однажды частью надстройки, позже следующих самостоятельным путем.

После Миланского эдикта в 313 г., принятого Константином I и Лицинием, возникли новые вопросы: как произошло субстанциональное

²¹ См.: «Пастырь» Гермы. Апокрифические тексты. Сборник. М., 1997, с. 79-101, **Н. С. Щёкин**, Христианская цивилизация и апокрифические традиции в свете формирования христианских таинств.

слияние евангельского Христа с Отцом? Впоследствии постановка такой проблемы вызвала новый конфликт и глубокий разлад в христианстве V в., что повлекло за собой появление после Эфесского собора в 431 г. несторианской и монофизитской церкви.

В свою очередь, возникновение и официальное признание несторианства и монофизитства явилось не только первым противоречием нового внутрехристианского мира, но и основой, а также причиной появления возможности альтернативного выбора и развития цивилизации. Были заложены механизмы перманентного противоречия и противоборства между христианством и порожденными им же самим инновационными культурными, религиозными и социальными формами проявления общественной жизни. В роли таких форм выступали секты, религиозные течения, светские образовательные учреждения, сформировавшие принципы взаимодействия данных форм. Более того, многовекторное положение христианства в самой цивилизационной динамике порождало антихристианские и антицерковные настроения. Такие настроения в будущем положительно отражались на формировании не только диаметрально противоположных христианству религиозных и культурных течений, но также и на генезисе науки. Христианский мир открыл новый космогонический процесс мировой истории и выдвинул альтернативные возможные перспективы развития внутри цивилизационной динамики христианства²².

Римское влияние превратило саму истину христианства в предмет политических, законодательных и теологических раздоров. Расплывчатые формы ранней церкви уступили место четко определенному иерархическому институту Римской католической церкви. Этот институт был аналогом Римской империи, и он все больше контролировал главенствующие направления христианского духовного поиска.

После того, как Константин принял решение о переносе Римской империи из Рима в Византию, империя автоматически разделилась, и вся Европа оказалась в культурном и политическом вакууме. Поэтому единственным механизмом, который мог удержать социальный порядок, оказалась церковь. Утверждаясь в новой ипостаси, по своим функциям став покровителем культуры, искусства, знаний, христианская церковь явилась, по своим воззрениям, фундаментальным элементом для развития Западной цивилизации, постепенно, тем самым, дистанцируясь от Востока. Географическая удаленность, различия в языке, культуре, социально-политических структурах, серьезные столкновения на почве догматики и имманентная направленность Запада на локальность в своем развитии создали благоприятные условия для более сильного разделения латинского Запада и греческой Византии.

В истории человечества был создан прецедент социально-исторической преемственности. С появлением христианства сам Восточный

²² См.: **К. Досон**, Христианский взгляд на историю. // Философия истории: Антология (ред. Ю.А. Кимелева). М., 1995, с. 248-262.

мир претерпел существенные изменения. Относительное единение конгломерата восточных цивилизаций стало стремительно распадаться. Внутрехристианские (внутриэтноконфессиональные) противоречия повлекли за собой возникновение исламской культуры. Однако возможность объединения в условиях развития и роста арабской культуры могла осуществиться только при наличии идентичной цивилизации. В качестве основы новой цивилизации на Востоке выступили цивилизационно-религиозные, религиозно-культурные и культурные традиции арабского мира. Возникший в VI в. ислам стал своеобразным коррелятором христианству. Исламская цивилизация как еще одна цивилизационная оппозиция христианскому миру окончательно разделила Восточный и Западный миры. Следовательно, исламская цивилизация явилась проводником принципиально трансформированной иудео-христианской традиции в арабском мире. Подтверждением этому является то, что основополагающим фактором трех религий (иудаизма, христианства, ислама) стал аврааматический монотеизм.

Роль древнегреческого мировоззрения в жизни и развитии христианской мысли, по нашему мнению, была основополагающей. Древнегреческое мышление инвазивировало все крупнейшие культурные и интеллектуальные интенции, направления древних цивилизаций Европы.

В свою очередь, Римская империя, будучи преемницей древнегреческой цивилизации и культуры, унаследовав ее основные традиции и ценности, сыграла решающую роль не только в социальном оформлении христианства как феномена всемирной истории, но и выступило в качестве эвристического детерминанта относительно социально-исторических альтернатив. Римская империя социализировала христианство, экстраполировав его, но уже в трансформированном виде в новую средневековую эпоху.

Таким образом, с возникновением новых цивилизаций, государств меняются содержание и функции религии. Однако в любой цивилизации религия выполняет функции социальной, цивилизационной интеграции и регуляции в обществе. То есть религия выступает не только как культурное явление, но, прежде всего, как социальный, цивилизационный феномен. В цивилизации религия есть фактор социокультурных связей и традиций, функционирование которых позволяет понять их структуры и возникновение, а также динамику развития. Христианский мир не стал исключением. Исходя из условий, в которых зародилась новая религия, следует, что христианство — кросскультурное и кроссрелигиозное явление цивилизационной динамики. Христианство окончательно юридически разделило Восток и Запад.

Христианская религия сыграла большую роль в становлении западноевропейской цивилизации. Характер и формы культуры, образ мышления, система ценностей формировались под влиянием Библии, библейских образов и сюжетов. Важнейшие догматы и постулаты церкви складывали систему оценок, нравственных понятий. В виде альтернатив хаосу в период Римской империи (средневековья) социально-политиче-

ской нестабильности, упадку гражданского общества, углублению социального неравенства и различных общественных противоречий христианство и церковь предложили надежду на спасение, принцип равенства всех на Земле перед Богом, иные нормы быта и морали²³. Всевышний заботится о каждом в отдельности. Тем самым подчеркивалась личностная форма веры христианства. Распространение христианства как на Западе, так и на Востоке сопровождалось усилением роли церкви. Проявления такого усиления мы наблюдаем не только в насаждении умозрительных и зачастую отвлеченных идей, но также в формировании конкретных форм культуры. Церковная архитектура, живопись, скульптура, церковная организация ведения хозяйства, музыкальная культура (богослужение) служили и для укрепления веры, и одновременно являлись важнейшим элементом в становлении и формировании оппозиции, Западной и Восточно-христианской цивилизаций.

Таким образом, для генезиса христианской религии изначально была характерна альтернативность идейных и социокультурных предпосылок обусловившая вариативность развития Европейской цивилизации и возникновение оппозиций внутри христианского мира, основной из которой является оппозиция западного и восточного типов единого европейского общества. Общее и специфическое в их развитии существенным образом определяется презумпцией католицизма и православия как вероучения и ценностно-нормативных систем, регулирующих характер общественных отношений и определяющих соответствующий образ жизни.

Ն. Ս. ՇՉՅՈՒՆ (Մինսկ) - Արևելքն ու Արևմուտքը քրիստոնեական քաղաքակրթության ծագման լույսի ներքո - Հոդվածում վերլուծվում են քրիստոնեության ծագման ու զարգացման հարցերը այլընտրանքային գաղափարական ու սոցիոմշակութային նախադրյալների ձևավորման համատեքստում, որոնցով պայմանավորված էր արևելաքրիստոնեական և արևմտաքրիստոնեական քաղաքակրթությունների զարգացման հաջորդափոխությունը: Հոդվածում նաև վեր են հանվում ուղղափառ-քրոզանդական աշխարհի ստեղծման հիմնական գործոնները:

²³ См.: Н. С. Щёкин, Социально-исторические альтернативы в цивилизационной динамике христианства. // Научно-аналитический журнал «Государственное управление и государственная служба» Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. 2008, № 2, с.127-136.